

## ДИСКУРС КАК КАТЕГОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Е.А. Красина  
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Термин «дискурс» ввел в лингвистический обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс, исходя из сосюрювского представления соотношения «языка – речи – речевой деятельности». Фактически дискурс предстал как промежуточное звено в цепочке «langue-discourse-parole», где langue – система, некая отвлеченная умственная конструкция, discourse – комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка (то есть сема), и parole – механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации (семический акт)» [1, с. 454]. Иными словами, дискурс – это «речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим», при этом «нельзя упускать из вида своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного» [2, с. 311]. Противопоставив дискурс, или «речь, присваиваемую говорящим», так называемому «объективному повествованию» – «discourse vs. recit» – Э. Бенвенист создал предпосылки для распространения понятия дискурса на «все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи» [4, с. 412], ср.: устный и письменный дискурс Т.А. ван Дейка; разговорный дискурс Е.В. Падучевой, включая режимы речевой и нарративной интерпретации и др. Все вышесказанное обусловило цель данной работы – изучить различные аспекты понимания категории дискурса как семиотического и коммуникативного процесс.

**Материал и методы.** Рассматривая аспекты понимания категории дискурса как семиотического и коммуникативного процесса в качестве материала исследования были использованы «классические» научные теории дискурса. В методологию работы были включены сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

**Результаты и их обсуждение.** Современная теория дискурса восходит к макросинтаксическим исследованиям 60-70-х гг. XX в., когда объектами лингвистики становятся текст, диалог, повествование и др., т.е. единицы, выходящие за пределы привычных предложения и словосочетания. И если в это время дискурс определяется как «связная последовательность предложений или речевых актов» (по Ю.Н. Караулову), то позднее, в 80-е гг. он уже рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста», то есть дискурс как сложная система иерархии знаний. Дискурс осознается и как важный компонент социокультурного взаимодействия, он предстает как «сложное единство языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или акта» (по Т.А. ван Дейку). В этой связи возникают трактовки дискурса то как «текста, взятого в событийном аспекте», то как «речи, погруженной в жизнь» [4, с. 137].

Обозначенные широкие подходы позволяют утверждать, что дискурс одной своей стороной обращен к ментальной, сознательной деятельности, и в этой сфере он отчасти выступает аналогом когнитивной модели, исходящей из категориальной ситуации, которая «представляет собой понятие, производное от общего (не ориентированного на определенную семантическую категорию) понятия сигнификативной ситуации. Спецификация, «фокусированность» категориальной ситуации заключается в том, что в передаваемой в высказывании общей ситуации вычленяются отдельные аспекты, выделяемые на базе той или иной семантической категории» [5, с. 20]; ср.: философский дискурс, политический дискурс, литературный дискурс и др., а также разговорное употребление «Мы с Вами находимся в разных дискурсах». С другой стороны, дискурс обращен к речевой деятельности, принадлежит ей, хотя бы потому, что манифестируется в текстах, обеспечивается актом высказывания, оформляется лексически и грамматически. В единстве неязыкового и языкового, когнитивного и языкового дискурс предстает как «тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт; <...> анализируя дискурсы, мы видим, как разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и высвобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику <...>, практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят» [6, с. 49–50].

Поскольку теория дискурса и дискурсивный анализ разрабатывались прежде всего французскими и английскими семиологами и лингвистами, полагаем уместным и оправданным обратиться к анализу концепции А.Ж. Греймаса и Ж. Курте, выделивших основные аспекты дискурса как семиотического процесса [Семиотика, 1983, с. 488-493].

Наиболее лаконично исходный принцип, очевидно, был сформулирован М. Фуко: «Дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто *большее*, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это «нечто большее» и позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [6, с. 50].

Обнаруживая сложную природу, дискурс предстает как *семиотический процесс*, реализующийся на синтагматической оси языка, и в этом смысле он принадлежит семиотике «мира слов» естественного языка. В этом аспекте дискурс обсуждается как объект дискурсивной лингвистики, базирующейся на исследовании текста как речевого произведения, а термины «дискурс» и «текст», благодаря постулату о синтагматике, становятся отчасти синонимичными, ср.: *linguistique discursive ~ linguistique textuelle*.

Ключевым элементом структуры и основы дискурса выступает высказывание – *énoncé*, если рассматривать дискурс как результат связывания фраз; если же исходить из понимания дискурса как целого, то высказывания будут только его сегментами, или фрагментами. Отношения «дискурс – высказывания» позволяют моделировать индукции и дедукции фразовых грамматик, по З. Хэррису, вводящие ряд приемов-правил описания поверхностных и глубинных, грамматических и семантических параметров высказываний, типа правил построения абзаца, сверхфразового единства и т.п.

В общей теории языка семиотическая природа дискурса выявляет противопоставление «дискурс – нарратив», аналогичное антиномиями «язык-речь», «компетенция – перформация», которое формирует дискурсивную компетенцию в синтагматике и семиотико-нарративную компетенцию – в парадигматике. При этом дискурс, создаваемый актом высказывания – *l'énonciation*, по Э. Бенвенисту, оказывается результатом семантических членений и трансформаций и ограничено включается в коммуникацию. Иными словами, по завершении акта высказывания возникает высказывание-дискурс как коммуникативная структура, одновременно и лингвистическая, и экстралингвистическая.

**Заключение.** Таким образом, понятие дискурса становится одним из ключевых семиотических концептов: если в языке дискурс объективируется как речевое произведение, как отдельный акт речевой деятельности, наконец, как акт высказывания («перевод языка в дискурс»), то в сфере семиотики и коммуникации дискурс выступает как одна из моделирующих систем, как когнитивная структура, стремящаяся к автономии.

#### Список литературы

1. Словарь терминов французского структурализма / сост. И.П. Ильин // Структурализм : «за и «против». – М. : Просвещение, 1975 – с. 450–461.
2. Бенвенист, Э. Формальный аппарат высказывания // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Просвещение, 1974. – С. 311–319.
3. Бенвенист, Э. Соссюр полвека спустя // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Просвещение, 1974. – С. 47–89.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
5. Бондаренко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондаренко. Л. : Культпросвет. – 174 с.
6. Фуко, М. археология знаний / пер. с фр. Бр. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

## БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

*А.А. Лавицкий*

*Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Республика Беларусь является сегодня единственной страной бывшего Советского Союза, где конституционно с 1996 года закреплено государственное белорусско-русское двуязычие. Оба языка равноправны в их использовании во всех сферах: законотворчества, официально-деловой коммуникации, публицистической деятельности, межличностном общении и т.д. Однако наши наблюдения показывают, что языковой паритет в стране отсутствует: русский язык как средство коммуникации на всех уровнях используется активнее. С одной стороны, это вполне закономерно и исторически объяснимо, так как, во-первых, для большинства стран бывшего СССР «<...> речь идет об особом типе би(поли)лингвизме, при